

УДК 316.4.06

Науково-теоретичний альманах «Грані»
Scientific-theoretical almanac «Grani»«Grani». 2016. 140(12), 33-39.
doi:10.15421/1716136
www.grani.org.ua

Социально-историческая амнезия в Украине: к постановке проблемы

А.А. Архипова¹

Статья посвящена проблеме социальной памяти и социальной амнезии, представленной в социокультурных явлениях украинского общества. Рассмотрена специфика особенностей функционирования социальной памяти с использованием системного подхода, где социальная амнезия представлена в виде операций, входящих в единую системную сеть воспроизводства социального беспам'ятства. На конкретных примерах проведен теоретико-социологический анализ структурно-организованных совокупностей субъектов и объектов памяти, как составляющих социальных институтов: религии, образования, государства, семьи. В рамках социосистемологического анализа определено значение дефектности социальной памяти в структуре социальной реальности. Схематически изложен механизм конструирования социально-исторической амнезии, выступающей социальным скриптом и формирующей особенности менталитета, а также простирающиеся из него тенденции к мифологизации/галлюцинированию. Оценено влияние социально-исторической амнезии на процесс восприятия социального времени, схематически представлена модель искажения времени, дезактуализация опыта в которой детерминирует формирование имагинальной социальной реальности.

Ключевые слова: социальная память; социально-историческая амнезия; идентичность; самореференция; рефлексия; имагинальность; искажение времени; системный анализ

Socio-historical amnesia in Ukraine: to statement of the problem

A.A. Arkhipova²

The article is dedicated to the problem of social memory and social amnesia, represented in socio-cultural phenomena of the Ukrainian society. The specificity of social memory's functioning has been studied with the use of a systematic approach. Social amnesia is presented in the form of operations, which are included into the integral system network of the reproduction of social oblivion. On the basis of specific examples, theoretical and sociological analysis of the structural and organizational complex of memorial subjects and objects, which are the components of such social institutions: religion, education, government, family, has been conducted. Within the frame of socio-system analysis, the value of social memory defects in the structure of social reality has been determined. The mechanism of the socio-historical amnesia's construction has been schematically set out as well as the resulting from it tendency to mythologizing/hallucination has been described. The social amnesia is the social script and the characteristic, which forms mentality. The influence of social and historical amnesia in the process of perception of social time has been estimated, a schematic representation of the model of time distortion has been represented. The non-actualization of the experience in this model determines the formation of the imaginable social reality.

Keywords: social memory; socio-historical amnesia; identity; self-reference; reflection; imaginable; time distortion; system analysis

Соціально-історична амнезія в Україні: до постановки проблеми

А.О. Архипова³

Статтю присвячено проблемі соціальної пам'яті і соціальної амнезії, представленій в соціокультурних явищах українського суспільства. Розглянуто специфіку особливостей функціонування соціальної пам'яті з використанням системного підходу, де соціальна амнезія представлена у вигляді операцій, що входять в єдину системну мережу відтворення соціального безпам'ятства. На конкретних прикладах проведено теоретико-соціологічний аналіз структурно-організованих сукупностей суб'єктів і об'єктів пам'яті, як складових соціальних інститутів: релігії, освіти, держави, сім'ї. В рамках соціосистемологічного аналізу визначено значення дефектності соціальної пам'яті в структурі соціальної реальності. Схематично викладено механізм конструювання соціально-історичної амнезії, яка виступає соціальним скриптом і формує особливості менталітету, а також виникаючі з нього тенденції до мифологізації/галюціонування.

¹ Студент; Государственный университет телекоммуникаций, 03680, Киев, ул. Соломенская, 7

² Student; State university of telecommunications, 7, Solomenska Str., Kyiv, 03680 Ukraine

³ Студент; Державний університет телекомунікацій, 03680, Київ, вул. Солом'янська, 7
E-mail: arhipova.antonina@ukr.net

Оцінено вплив соціально-історичної амнезії на процес сприйняття соціального часу, схематично представлена модель спотворення часу, дезактуалізація досвіду в якій детермінує формування імагінальної соціальної реальності.

Ключові слова: соціальна пам'ять; соціально-історична амнезія; ідентичність; самореференція; рефлексія; імагінальність; спотворення часу; системний аналіз

Peer-reviewed, approved and placed: 10.12.2016.

Постановка проблеми. Память – неотъемлемая часть человеческой жизни. Именно эта когнитивная функция делает человека – человеком. Без памяти невозможно узнавание, а без узнавания невозможно восприятие, как следствие, невозможным становится и мышление. Что будет если человека, биологическое существо, лишить прошлого и будущего как измерений логоса, оставив только одно настоящее «био», чистую жизнь, чистую витальность? Сумеет ли он выжить? Ведь жизненный мир человека формируется не только «здесь и сейчас», под влиянием непосредственных ежеминутных впечатлений, но и в масштабах огромных темпоральных и топологических дистанций. Самоочевидно что не сумеет, поскольку память выполняет ряд жизненно важных функций, а именно: запоминание, воспроизводство и сохранение.

Почему-то на уровне обыденного сознания каждый понимает, что память является необходимой составляющей повседневной жизни. Однако стоит кому-то вслух задуматься о социально-историческом значении памяти, сделать попытку перейти в режим аутентичного экзистирования, как он тут же сталкивается с коллективно-бессознательной дефлексией, выраженной в словах «зачем ты занимаешься самокопанием, я о таком не думаю, я просто живу». Четко прослеживаемая мантраобразная динамика употребления этого утверждения указывает на устойчивый этносоциальный этос, установочную и поведенческую матрицу, которой руководствуется украинский социум в своем отношении к урокам прошлого и проблемам сегодняшнего дня.

Обесценивание роли памяти, которая является одновременно социальным, экзистенциальным, культурным и идеологическим конструктом, убивает всякий потенциал здравого смысла, поскольку память выступает колоссальным архивом информации, участвующим во всех сферах жизни, особенно – политике, социальных взаимоотношениях, общественном обустройстве.

Функциональное нарушение памяти ведет к искажению в восприятии и интерпретации смыслов, что отображается в сознании и действиях субъектов памяти, приводя к нарушению коммуникативного процесса, автоматически нарушая функционирование социальной идентификации. Именно поэтому проблема социальной амнезии в Украине, как социокультурного явления требует не только эмоциональной, (квазилогической) оценки, но и адекватного теоретического, прежде всего теоретико-социологического анализа.

Цель исследования – построение описательно-аналитической схемы социально-исторической амнезии как дисфункции социальной памяти.

Задачи статьи:

А) осуществить теоретико-социологический обзор концепций социальной памяти;

Б) построить описательно-аналитическую модель социально-исторической амнезии как дисфункции социальной памяти в украинской социальности.

Анализ исследований и публикаций. Разнообразие подходов и концепций коллективной памяти, усложняет их классификацию, поэтому полное описание научных представлений о коллективной памяти вряд ли является возможным, по крайней мере в рамках одной статьи. Тем не менее, исследователи сходятся во мнении, согласно которому основателем концепции коллективной памяти является М. Хальбвакс. В своей работе «Социальные рамки памяти» [1] Хальбвакс активно присоединяет к теории памяти выводы и терминологию психологической науки, акцентируя внимание на социальности любой памяти, ее общественной обусловленности. Общество определяет поведение и воспоминание индивида с помощью следующих составных частей: язык; сакральная традиция, представленная коллективной памятью; история; семейная память.

Одним из ведущих исследователей феномена коллективной памяти выступает американский ученый П. Хаттон. Его работа «История как искусство памяти» [2] посвящена проблеме передачи информации в исторической коммуникации поколений. Работа Хаттона дает полное представление о том, что проблема коллективной памяти – междисциплинарная: эту концепцию активно используют психологи, историки, культурологи, философы, социологи. Тем не менее, уже сейчас концепция коллективной памяти во многом пересекается с современной концепцией культуры, что заметил Ян Ассман в работе «Культурная память. Письменность, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [3]. Ассман выделяет две формы коллективной памяти: коммуникативную и культурную. Коммуникативная память – полученная индивидом или группой информация, которая связывает их с близким прошлым. Это малоформализованная память, которая возникает в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни. Культурная память – особая символическая форма передачи культурных смыслов, которая выходит за рамки опыта обычных людей и выступает достоянием социальных групп и культурных идентичностей.

Данная проблема также представлена в работах украинских и российских исследователей, а именно: Г.А. Бакиевой, В.А. Палагуты, Л. Нагорной, В.А. Копеватова, А.М. Кумыкова, О.Я. Волянюк, Ю. Романенко, Н. Туленкова, Е. Хомерики, И. Святенко. Идеи перечисленных авторов могут быть

представлены в виде следующего каталога предложений: в частности, Ю. Романенко представляет «системную модель «культура-социум-психика-тело», которая осуществляется по принципу рекурсии благодаря коплементарным стратегиям семиозиса, продуктом которого выступают символические аккорданы, расположенные на разных уровнях иерархии» [4, с.102]. Память, в данной системе, является скрепляющей субстанцией, лежащей в основе осуществления аутопойетического самоотзеркаливания.

Изложение основного материала. Проблема социальной памяти и социальной амнезии, представленная в социокультурных условиях украинского общества, не теряет своей актуальности на протяжении многих столетий. Ее актуальность детерминирована тем, что размытость, неопределенность и фрагментированность жизни украинцев, являясь перманентным интенциональным импринтом, формирует состояние непрерывного становления, приводя, соответственно, к разрушению старых форм социальной жизни и хаотичному введению потока инноваций.

Абсолютно естественно, что в таком состоянии во всех сферах общественной жизни поднимаются вопросы: «В каком направлении двигаться дальше?»; «Какой общественный идеал исповедовать?»; «Что перенять из прошлого, а от чего отказаться?». Подобного рода рефлексия действительно может отображать сложные системы «наслоения эпох», однако же имеющаяся в нашем распоряжении социальная память в украинской социальности позволяет выделить динамику трансляции подобных «двойственных» социокультурных форм во времени и пространстве.

«Что перенять из прошлого, а от чего отказаться?» - это и есть пример двойного распределения стандартов, которое делает невозможным рефлексии социальной, а позволяет представлять разностронние атрибутивные конструкторы, в которых проектируется «новая история». Так возникает дурная (глупая) множественность картин мира, которая, как и любая множественность, состоящая из бессвязных элементов, исключает поиск точки центрирования, а отсутствие точки центрирования, в свою очередь, делает невозможным как институциональную рациональность, так и межинституциональное взаимодействие.

Например, «бюрократия» в Украине не является формой стандартизированного рационального порядка, а выполняет скорее функцию «ритуализированного властвования», основанного на механизмах власти-подчинения, в которых объект бюрократии (обычный человек) выступает в роли «шарика для пинг-понга», своеобразного объекта времяпроматывания. Этот социо-экзистенциальный парадокс присутствует как в микроструктурах, так и в макроструктурах, поскольку микро- всегда отображает макро-, выстраивая таким образом систему внутри себя.

Н. Луман, изучая понятие системы, приходит к следующему выводу: «Система, способная делать то, что она делает, осуществляется именно благодаря механизму самоусиления и не может контролироваться из перспективы последствий или целесообразности» [8, с. 59]. Следовательно, локальные дисфункциональные элементы институциональной системы Украины, функционирующие вне целесообразности и перспективы последствий, при этом самоусиливающие себя в пространстве и времени, могут быть представленными в виде операций, входящих в единую системную сеть воспроизводства социального беспамьяства. Если доказать системный характер операций социальной амнезии, возможным станет анализ системы социальной памяти, присущей украинской социальности.

В социологии существует понятие «система социальной памяти» – в широком значении это память определенного общества или этноса. В узком значении это взятые в единстве основные проявления мнемоявлений определенной страны: коллективная память социума, мнемоеидеология и мнемопрактика. Речь идет о национальной системе памяти определенной страны. Для любого социума существует соответствующая ему система социальной памяти. В конкретном обществе социально-историческая память отражает его культурную идентичность, что определяет определенные ориентиры для восприятия ценностно-смыслового содержания прошлого, позволяя субъектам идентифицировать себя в социальном пространстве и времени.

Согласно системному подходу, содержание системы социальной памяти можно рассматривать как целостную, структурно-организованную совокупность объектов и субъектов памяти. Также необходимо учитывать социальные отношения, которые могут не иметь мнемологического значения, будучи связанными с инкультурацией и социализацией, создавая знания, умения, эмоции, социальные смыслы, где последние могут быть как натуральными, так и артефактными, такими, которые создаются обществом. Психологической основой социальной памяти выступает также социальное бессознательное, которое переходит генетически и выражается в архетипах, символах, моделях объектных отношений, это можно назвать живой социальной памятью, поскольку неосознанная часть бессознательного состоит из общечеловеческих, родовых и этнических смыслов.

Используя системный подход, рассмотрим специфику особенностей функционирования социальной памяти в украинской социальности. Социальная память позволяет нам не только увидеть динамику исторического процесса, но и вариативность социальных взаимодействий внутри самого процесса. Анализ вариативности, в свою очередь, объясняет социальную структуру сегодня, с помощью выявления ключевых критериев, которые дают возможность сделать качественный прогноз будущего.

(Исследование охватывает основные социальные институты: религия, образование, государство, семья).

Социальная память в религии. Если ценностное мышление зависит от социальной памяти, то дисфункции последней, автоматически влекут за собой дисфункции ценностного мышления. Это означает, что социальная память является архивом, содержа-

щим контенты уже прожитого и пережитого общностью прошлого, которое становится увековеченным настоящим в ценностях. И так, социально-историческая амнезия означает утрату (полную или частичную) ценностного фонда социально-исторической памяти, которое влечет дурное повторение непрожитого прошлого в настоящем без воспоминания и воспроизводства этого опыта.

Дистрофия указанных функций (запоминания и воспроизведения) создает основу для переживания архива вечной «социально-исторической девственности» общества. От этого общество перестает быть обществом, поскольку оно лишается возможности формировать собственные структуры, обрекая, таким образом, себя на «импорт структур». Последние, если следовать логике Н. Лумана, разрушают общество как систему, переводя его из системного состояния в агрегатное.

В свою очередь импорт структур означает невозможность пережить свой собственный социально-исторический опыт в настоящем, а тем более в будущем, что детерминирует симуляционные и имитационные сценарии развития страны. Общество с усеченной памятью представляет собой все тот же набор бессвязных импортированных «осколков» чужих структур, воспроизводство которых будет вести общество от одной травмы к другой...

По последним статистическим данным Центра Разумкова [7] уровень религиозности в Украине составляет приблизительно 67-71%, результаты исследования учитывают следующие критерии: пол, возраст, место проживания, образование, материальное положение, религиозное воспитание, частоту посещаемости церквей и др.

Внимание автора привлекли следующие показатели:

- невозможность вывести средний статистический показатель по шкале «религия – жизненная ценность»;

- 76% людей с неполным средним образованием считают себя верующими, в отличие от 61% людей с неполным высшим или высшим образованием, относящим себя скорее к категории неверующих;

- конфессиональная самоидентификация людей подверглась изменению за последние 3 года, 38% людей считают себя прихожанами Украинской православной церкви Киевского патриархата, 20% – Украинской православной церкви Московского патриархата, 39% – не определились с конфессией, что полностью противоречит показателям 2012 г.

Эти ключевые показатели, на первый взгляд, могут показаться ничего не значащими, однако в формате нашего исследования формируется ряд гипотез, позволяющих констатировать наличие определенной динамики. Последняя, в свою очередь, характеризует тип функциональной социальной памяти, свойственной украинцам, наряду с присущими ей дисфункциональными проявлениями – социальной амнезией.

Религия, представленная образом Абсолюта, является формообразованием духовности, задавая ключевые структуры аксиосферы, фундаментальные для

аутопозыса любого общества (индивид рассматривается в рамках концепции Дюркгейма, как функция солидарной общности). Любая самоидентификация, как и любая идентичность, не может быть выстроена в модели плюрализма, представленного в Украине.

Конструктивная гетерогенность подразумевает создание в себе синтезирующих подсистем, приводящих к минимизации размытости конституирующих их элементов. Наличие гетерархичных подсистем, сопровождается переживанием противоречивости, стремлением к повторному структурированию, приводит к блужданию в пространстве и временному расточительству. Наличие этого дисфункционального элемента в сознании расщепляет идентичность, что является хорошей почвой для политизации выбора религиозной конфессии, представленной в социологическом отчете. Это и выступает одной из первых дисфункций ценностного мышления которая, происходит из социального беспамьяства.

Соотношение религиозность-образованность является пережитком советской атеистической системы, которая очень хорошо проросла в почве социального беспамьяства. Ницше когда-то, а следом за ним и Огега-и-Гассет размышляли над феноменом тщеславия узкопрофильного специалиста, солипсизм которого распространяется на все сферы жизни. «Образованный» солипсизм в Украине, отрицая априорность аксиосферы, предпочитая забыть образ Бога, представив себя в виде «Бога», отрицает возможность формирования высших и средних регистров цензуры, что создает отсутствие всякой нормированности в качестве нормы. Это выступает второй дисфункцией ценностного мышления, происходящей из социального беспамьяства.

Социальная память в образовании. Украинская система образования – это совокупность учебных учреждений с набором образовательных программ и методических рекомендаций. Представлена в виде 3-х уровней: дошкольное, школьное, высшее.

В институте образования имеет место доминирующая опора на механические репродуктивно-рецептивные функции интеллекта. На всех уровнях украинской системы образования работает одна и та же модель, состоящая в подмене активной смысловой переработки информации в процессе обучения неким пассивным «заглатыванием» макротекстовых блоков.

При этом такое «заглатывание» сопровождается форсирующим воздействием учителей (преподавателей), мотивируемых дефицитом времени и фрустрирующих самых медлительных и рассуждающих учащихся (студентов). Последние за счет постоянных этико-социальных репрессий дистанцируются по отношению к учебному процессу как пространственно-физически (например, занимая задние парты и прогуливая школу), так и пространственно-социально (стараясь общаться с учителями (преподавателями) как можно меньше, поверхностно и формально).

Впрочем, этому способствует также авторитарно-монологическая коммуникация, принятая в советской педагогике и воспроизводящаяся в наши дни, модель, предполагающая общение «сверху-вниз». Дошколь-

ная система образования также ориентирована на механически репродуктивно-рецептивные функции интеллекта. При этом уровень фрустрации детей, проявляющих признаки алгоритмического либо креативного интеллекта, детерминирован жесткостью фрустраций воспитателя, осуществляющего первичную социализацию. Осуществление фрустраций приводит к социально-рефлекторному отщеплению части детской психической системы от поля сознания, что ведет к фрагментации и дезинтеграции бессознательного по отношению к сознанию и формированию социопатической ролевой дистанции. Последнее означает воспитанный институтом образования страх перед социально-ролевой интериоризацией, сопровождающийся процессами отчуждения.

Указанное вовсе не исключает наличие единичных островков импортированных учреждений образования, являющихся частью других культурных систем, сохраняющих в условиях Украины собственную идентичность. Сквозная же тенденция использования гипермнемичности все-таки сопряжена с преобладанием механического усвоения и воспроизводства текстов памяти над осмысленным продуцированием.

Указанное формирует «рабское сознание», о котором еще Аристотель писал, что оно не движет само себя. Движение такого сознания подчиняется логике социальной репрессии, так что значительная часть опыта, пережитого в институтах образования, подвергается забыванию (поскольку репрессивная среда, сама по себе, не способствует развитию продуктивного мышления). На выходе это дает большой процент специалистов-недоучек, количество которых коррелирует как с распространенностью коррупционных практик, так и с инструментальной эксплуатацией педагогической репрессии для повышения их эффективности.

В итоге амнезия как эффект механического образования создает предпосылки для рабского сознания, которое движимо внешними субъектами и никогда не может быть самореферентным.

Социальная память в государстве. «Украина – унитарное, суверенное и независимое демократическое социальное и правовое государство, парламентско-президентская республика. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [9]. Представленная в этом утверждении «идеальная» государственная модель Украины, принимаясь и позиционируясь в качестве постулата, выполняет две функции: создает внешний геополитический образ Украины; скрывает внутреннюю фактическую ин-формацию, заменяя ее имажинальными образами.

Морально-этическая нагруженность этого утверждения вызывает существенный резонанс и требует ряда дополнений.

Единственным источником власти в Украине является народ, макроридентичность которого, согласно определению Ю. Романенко, является диффузной

(размытой). Неспособность к самореференции, плюралистическая псевдоидентичность, дефектность высших и средних регистров цензуры, описанные нами ранее, приводят к персонализации институциональной системы, расчленяя ее на два полюса: маргинализированную криминально-охлократическую элиту, состоящую из представителей неукраинской этнической идентичности, и пограничные маргинализованные группы, представленные массами, ситуационно-идентифицирующими себя с титульным этносом и имажинально осуществляющими власть.

Подобная двойственность, воссоздавая себя во всех сферах институционального устройства (а выше мы уже доказывали, что дурная (глупая) множественность картин мира исключает поиск точки центрирования, а без точки центрирования невозможны как последовательная институциализация, так и меж-институциональное взаимодействие), представляет Украину как общество лишь как номинант. Данное общество является, скорее, социальным агрегатом, в котором социальная институциализация симулируется за счет импорта осколков иносоциальных (чужих) структур и сопровождается судорожными попытками конструирования из этих осколков имажинальной целостности. В социальной реальности этому соответствует осколочность социального пространства, которое принудительно связывается не столько за счет механизмов культурной идентификации, сколько за счет внешней властно-централизующей силы очередного «хозяина» (оккупанта). Сами «жалобы на оккупацию» со стороны оккупированных жителей имеют место, однако со значительной отсрочкой во времени, что само по себе тоже выступает одним из признаков социально-исторической амнезии.

Социальная память в семье. Нуклеарная моногамная семья – форма семьи, принятая в Украине. Еще не так давно укрепление семьи было важной заботой советского института семьи, одной из важнейших целей социальной политики. Считалось очевидным, что чем больше индивид привязан к своей семье, чем меньше желаний и соблазнов отвлекают ее от нее, тем лучше, и чем самопожертвенней ведут себя муж или жена, тем лучше. Слово «личное», приобретая значение «эгоистичного», способствовало растворению личности в семье, создавая недифференцированную социальную массу, именуемую «семьей». При данном типе семейных взаимоотношений облегчается навязывание члену семьи патологизирующих ролей. Индивид, плохо различающий свои интересы и потребности, безоружен против вовлечения его в роль «козла отпущения».

Дисфункция семейного восприятия, подобного рода, действительно свойственна украинской социальности, однако роль советского института семьи в данном конструкте, фактически – узаконил матриархальное право на мужчин, исконно существовавшее на украинской территории. Примеры подобного матриархата представлены как в классической украинской литературе «Кайдашева сім'я», «Тіні забутих предків», так и дошедшими до наших дней поучениями матерей, передающимися из поколения в по-

коление (как, напр., полушутливая внешне сентенция насчет того, что «у мужчины должна быть пустая голова и полный живот»).

Итак, указанный феномен не может быть охарактеризован в качестве дисфункции социальной памяти, поскольку явно прослеживаемая наследственность формирует метапозиции, осуществляющие гендерное картографирование и бюджетирование времени в социуме. Соответственно, картография украинского общества сформирована под женщину как ведущего носителя идентичности, оставляя мужчине преимущественно периферийное место. Естественно, что в матриархально-организованном семейном микрообществе воспроизводится аналогичная иерархия. В этих условиях «козлом отпущения», плохо различающим свои интересы и потребности, выступает мужчина, а женщина, в свою очередь, морализируя собственную иррационально-эмоциональную природу, выступает в роли режиссера моральных фрустраций (использована терминология И. Гофмана). Дефицит маскулинности объясняет особенности «мультизеркальности» украинского социума, инкорпорирующего перформативные сценарии внешних режиссеров без рефлексивной переработки.

Отсутствие рефлексивной переработки также способствует дистрофии социальной памяти, что лишает общество возможность осуществлять рекурсию. Последнее, в свою очередь, способствует деградации социальной памяти до социопатической амнезии. Последняя, в свою очередь, выступая социальным скриптом, формирует особенности менталитета: эмоциональность, имагинальность и проистекающие из него тенденции к мифологизации/галлюцинированию, замене надличностных культурных и социальных смыслов личностной бессмыслицей, создавая параллельную реальность, представленную образом социальной реальности.

Дефектность социальной памяти, выраженная процессами социальной амнезии, проистекая из дефектов аксиосферы, представленной дефектностью образа Абсолюта (подробнее см.: [4]), в рамках социосистемологического анализа, может быть представлена в виде схемы (см. рис. 1).

Объяснения к данной схеме могут быть представлены следующим образом:

а) индивид, тенденциозно подверженный культурным, социальным, психическим и телесным

Рис. 1. Механизм конструирования социально-исторической амнезии

депривациям, вытесняя опыт депривации, опривычивает (социально-габитуализирует) состояние неудовлетворения потребностей, «уходя» как бы от реальной социопатогенности;

б) раздутое социальное имаго позволяет облегчить опривыченную социальную депривацию за счет компенсаторной картины множественной реальности, выстраиваемой по законам параллельного мира.

Именно эта картинка «параллельного мира» обуславливает состояние невключенности украинцев по отношению к любым кризисным и разрушительным социальным ситуациям, реакция на которые следует, как правило, со значительным запаздыванием. Для самих запаздывающих их временное опаздывание рационализируется ссылкой на множественную реальность «приватных личностей», каждая из которых не спешит вступать в социальную коммуникацию с такими же атомизированными личностями. Реагирование на социальные стрессоры с запаздыванием приводит к дезактуализации опыта и его последующему забыванию как обесцененного (поскольку полезным для социальности может быть только вовремя прожитый, «переваренный» и отрефлексированный опыт).

Поскольку вышеописанный процесс функционирует как модель искажения времени, то процесс восприятия социального времени искажается за счет социально-исторической амнезии по тому же принципу. Множественные реальности создаются из кратковременных проясненных фрагментов прошлого, имагинально искажаясь в процессе интерпретации, конструируя таким образом воображаемо-искаженный мир будущего, растянутого в рамках огромных временных интервалов, представляющего непережитое будущее в забытом прошлом. Непережитое будущее в забытом прошлом конструирует образ будущего—мифа (нереального будущего), задающий вектор псевдодвижения в уже искаженном настоящем создавая имагинальную социальную реальность, заменяющую настоящее—настоящее. Визуальное функционирование данного процесса представлено схемой на рис. 2.

Проанализировав операциональные характеристики социальной амнезии, а также используя классическую системную модель Input/Output (Вход/Выход), представим ряд энтропийных опций, дисфункция рефлексирующих единиц которой приво-

Рис. 2. Имагинальная социальная реальность

Рис. 3. Система социальной памяти

дит к искажению системы социальной памяти в целом. Данный конструкт представлен схемой на рис. 3.

Выводы. Дисфункция социальной памяти в Украине представлена явлениями культурной, социальной, психической, телесной амнезии. По сути амнезия является частью аномической ситуации социу-

ма, репрезентирующего в своем ментальном профиле образ и подобие хаоса. Воспроизводство социальной амнезии, выражающаяся в нарушении процесса социальной континуации (рассеивания времени и пространства), приводит к деградации социальной памяти, которая социо-когнитивно соотносится с осколочным жизненным пространством с импортированными чужеродными институциональными элементами и собранного из «запчастей» в ситуации очередной депривации (этноцида). Этноцидарные практики способствуют социальному галлюцинированию, которое включает в себя симуляционно-имитативные, имажинальные и диссоциативные механизмы защиты, которые делают невозможным стратегию социального аутопозысиса за счет блокировки устойчивых интеракций и нарушения процессов социальной рекурсии (формирования многоуровневого «зеркального я» в социальных институтах).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман; пер. с нем. М. Сокольская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Бакиева Г.А. Философский анализ феномена социальной памяти [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Гульнара Абдуваситовна Бакиева; Ин-т философии и права Национальной академии наук Кыргызской Республики. – СПб.: [б. и.], 2001. – 37 с.
3. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0>
4. Ильф И. 12 стульев [Текст] / И. Ильф, Е. Петров – О.: Одесское книжное издательство, 1959. – 655 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию [Текст] / Н. Луман; пер. с нем. К. Тимофеева. – М.: Издательство «Логос», 2007. – 360 с.
6. Нагорна Л. Исторична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії [Текст] / Л. Нагорна. – К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. – 328 с.
7. Релігійність українців: рівень, характер, ставлення до окремих аспектів церковно-релігійної ситуації і державно-конфесійних відносин [Електронний ресурс] // Національна безпека і оборона / Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. – К.: Центр Разумкова, 2013. – № 1 (138). – Режим доступу: http://www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/poll.pdf
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти [Текст] / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
9. Хаттон П.Х. История как искусство памяти [Текст] / П.Х. Хаттон; пер. Ю.В. Быстров. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 424 с.
10. Этническая идентичность: социосистемологическое измерение геополитики [Текст]: Монография / ред.- коорд. Романенко Ю.В. [Я.В.Зоська, Ю.Ю. Медведева, Ю.В. Романенко, И.А. Святненко, Н.В. Туленков, Е.А. Хомерики]. – К.: Меркьюри-Подолье, 2016. – 369 с.

REFERENCES:

1. Assman, Ja., 2004. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: writing, memory about the past and the political identity in the high cultures of antiquity]. Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moskva (in Russian).
2. Bakieva, G. A., 2001. Filosofskiy analiz fenomena sotsial'noy pamyati [Philosophical analysis of the phenomenon of social memory]. In-t filosofii i prava Natsional'noy akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki, Sankt-Peterburg (in Russian).
3. Vikipediya - svobodnaya entsiklopediya [Wikipedia – free encyclopedia]. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0>
4. Il'f, I., Petrov, E., 1959. 12 stol'ev [12 chairs]. Odesskoe knizhnoe izdatel'stvo, Odessa (in Russian).
5. Luman, N., 2007. Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu [Introduction to the theory of system]. Izdatel'stvo «Logos», Moskva (in Russian).
6. Nahorna, L., 2012. Istorychna pam'yat': teoriyi, dyskursy [Historical memory: theory, discourses]. IPIEND im. I.F.Kurasa NAN Ukrainy, Kyiv (in Ukrainian).
7. Relihiynist' ukraintyiv: riven', kharakter, stavlennya do okremykh aspektiv tserkovno-relihiynoyi sytuatsiyi i derzhavno-konfesiynykh vidnosyn [Religiosity of the Ukrainians: level, character, attitude to some aspects of church-religion situation and state-confessional relations]. Access mode: http://www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/poll.pdf
8. Khal'bvaks, M., 2007. Sotsial'nye ramki pamyati [Social frames of memory]. Novoe izdatel'stvo, Moskva (in Russian).
9. Khatton, P., Kh., 2003. Istoriya kak iskusstvo pamyati [The history being the art of memory]. Vladimir Dal', Sankt-Peterburg (in Russian).
10. Etnicheskaya identichnost: sotsiosistemologicheskoe izmerenie geopolitiki [Ethnic identity: socio-system logical dimension of geopolitics.]. Merkyuri-Podole, Kyiv (in Russian).